Как я охранял природу

Святослав Логинов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Люди спрашивают, что было в жизни моей до универсамов, я ссылаюсь на детектив "Как я охранял природу", а мне говорят, что в интернете не могут найти его. Чем разбираться, что там и где, выложу полный текст здесь.

Читайте, кому интересно.

***

Большинство людей любят читать дюдики, но в реальной жизни с ними не сталкивались. У меня было с точностью до наоборот. Ну, не люблю я детективы, а вот они меня -- любят. Эта история о том, почему отечественный компьютер "Искра" уступал зарубежному аналогу. Я не придумал в ней ничего и в тех случаях, когда сам свидетелем событий не был и рассказываю с чужих слов -- честно предупреждаю читателя.

- Святослав Логинов
  - Действие первое. ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ
  - Действие второе. DEJA VU

Святослав Логинов
Как я охранял природу

Действие первое. ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Большинство людей любят читать дюдики, но в реальной жизни с ними не сталкивались. У меня было с точностью до наоборот. Ну, не люблю я детективы, а вот они меня -- любят. Эта история о том, почему отечественный компьютер "Искра" уступал зарубежному аналогу. Я не придумал в ней ничего и в тех случаях, когда сам свидетелем событий не был и рассказываю с чужих слов -- честно предупреждаю читателя.

В 1979 году, окончательно разочаровавшись в своих способностях научного сотрудника, я решил пойти на производство. Сжёг недописанную диссертацию, бросил НИИ антибиотиков, где было хорошо и комфортно, и устроился на предприятие со звучным названием ГСКТБППСМиОЗ МПСАиСУ СССР. Год я учился произносить это заклинание без запинки и теперь могу отстрелить его даже среди ночи. А в просторечии предприятие называлось ГСКТБ "Счётмаш", то самое, что производило большие интегральные схемы для "Искры" и ещё для каких-то надобностей. Моя роль в этой организации заключалась в охране окружающей среды, так, во всяком случае, я полагал в простоте душевной.

Человек я любопытный, а должность инспектора позволяла везде шляться и всюду совать свой нос. На заводе было две площадки: первая, на Большой Зелениной улице и вторая -- стеклянный кирпич на углу Левашовского проспекта и улицы Ленина. Назывался кирпич "Комплекс БИС". Там-то и делали большие интегральные схемы. На заводе была весьма популярна поговорка: "Наши большие интегральные схемы -- самые большие в мире". В мои функции, впрочем, входило не производство, а отходы, стоки, которые с этого производства попадали в канализацию, а следом -- в реку Карповку. Вредные стоки шли от гальванического участка, где имелись ванны никелирования, цинкования, меднения и хромирования, то есть полный набор тяжёлых металлов, а также с комплекса БИС, от ванн травления. На первой площадке, где располагалась гальваника, имелись очистные сооружения: закут с неработающими реакторами и сорокакубовый отстойник во дворе. Вечно пьяная аппаратчица, жалобно матерясь, готовила растворы бисульфита натрия, серной кислоты и соды, вёдрами таскала реактивы, выливая их прямиком

в отстойник, размешивала их как могла дворницкой метлой, а затем, полагая, что большего от неё никто требовать не может -- сливала весь этот компот в канализацию. Если учесть, что в исходных стоках превышение ПДК по шестивалентному хрому было в сотни раз, а после её операций -- лишь в десятки, полагаю, что смысл в перемешивании метлой воды в сорокатонной бочке всё же был.

Комплекс БИС сливал концентрированную хромовую смесь и крепкие кислоты: соляную, азотную и плавиковую. Очистных сооружений там не было. Официально они строились и к тому времени, когда я поступил на завод, строительство было закончено. Повторяю: всё это было официально. На самом деле в огромнейшем помещении очистных сооружений были установлены на фундаментах ёмкости для реагентов и чудовищный круглый реактор, а вот обвязки не было, то есть, ни единая труба не соединяла всё это в работоспособное целое, и уж конечно, ни к чему эти "очистные" подключены не были, стоки напрямую перекачивались в канализацию. Особенно меня порадовали железные ящики КИП. Вместо полагающихся по штату контрольно-измерительных приборов в них находилась пыль и паутина, а чтобы не нервировать окружающих, ящики были опечатаны, и к смотровым окошечкам с обратной стороны подклеены кусочки картона, на которых красиво нарисованы циферблаты несуществующих приборов и стрелочки, навеки изображённые в положении "норма".

Едва я успел ознакомиться с этой бутафорией, как явилась комиссия, принимать выстроенные очистные в эксплуатацию. Высокие гости прошли мимо очистных прямиком в кабинет заместителя главного инженера, куда ещё с утра были принесены большие коробки, из которых вкусно пахло и призывно булькало. Акт о приёмке был подписан, начался пуско-наладочный период. Полагаю, что ответственный за строительство, зам главного инженера -- Чернов Борис Николаевич в эту минуту вздохнул с облегчением.

Кстати, все имена и фамилии в этой детективной истории подлинные, и если кто-то из названных лиц сочтёт себя оскорблённым, ему предоставляется полная возможность защищать свои "честь и достоинство" в суде.

Некоторое время я искренне полагал, что с минуты на минуту на очистных появятся какие-то шабашники, строительство будет авральными методами закончено, и начнётся хоть какая-то работа. Однако работа началась в цехах, кислоты и хромовая смесь потекли прямиком в Карповку. Исполненный идиотской ответственности я попытался открыть глаза руководству на

истинное положение вещей. Я врывался в кабинет к генеральному директору, к старшему инженеру и его заместителю, писал проникновенные докладные записки о неудовлетворительном состоянии очистных сооружений. Реакция руководства была чрезвычайно странной: меня выслушивали, кивали, говорили какие-то слова, но ничего не делали. Короче, к моему щенячьему хамству относились именно как к щенячьему хамству. Подчинённого, если он лезет не в свои дела следует быстро ставить на место, а мне всё сходило с рук. Теперь-то я знаю причины такого странного отношения, а в те поры наивно полагал, что так и должно быть, и злился лишь, что дело после моих эскапад и не думает сдвигаться с места.

Тем временем полугодовой пуско-наладочный период закончился, и я первый раз появился в кабинете главного инженера товарища Филиппова с результатами анализа сточных вод, которые мне следовало отправить по различным адресам: в санэпидстанцию, в управление "Водоканал" и в Бассейновую инспекцию.

-- Превышения норм есть? -- доброжелательно спросил главный.

-- Превышения проставлены красным.

Товарищ Филиппов критически оглядел таблицу, заполненную по преимуществу красными чернилами, и задал следующий вопрос:

-- А нормы какие?

-- Предельно-допустимые величины проставлены здесь, -- указал я на верхнюю строчку.

-- Вот впишите их сюда, подпишитесь и можете отправлять.

Честно говоря, я разозлился, да и долгая безнаказанность изрядно развратила меня, потому что я отрезал решительно:

-- Не буду! Фальшивками никогда не занимался.

Главный пожал плечами, не меняя доброжелательного выражения лица, нажал на кнопку звонка и сказал появившейся секретарше:

-- Перечертите вот эту табличку, только вместо этих красных цифирек повторите вот эти синие. А потом принесёте мне на подпись. А вы свободны, -- повернулся он ко мне.

Несмотря на всю свою наивность, я был уверен, что с этой минуты свободен от занимаемой должности, однако, этот выкидон, как и все предыдущие сошёл мне с рук. Теперь сотрудники лаборатории (а группа, считая меня состояла из трёх человек) проводили не только ежедневные экспресс-анализы, но и ежемесячный полный анализ сточных вод. Результаты я относил Филиппову, там они переписывались и отсылались по адресам. За

моей подписью не ушло ни единой фальшивки, но дела это абсолютно не меняло.

В конце концов, такое положение вещей взяло меня за живое. Ну, хорошо, пусть "Водоканал" и "Бассейновая инспекция" верят той лаже, что им присылают, но ведь СЭС делает собственные анализы, регулярно отбирая пробы на выходе коллектора в Карповку. Допустим, кислоты могут нейтрализоваться человеческими фекалиями и прочими бытовыми стоками, но ведь фтор никуда деться не может и его просто обязаны обнаружить! Однако СЭС молчит, словно сточной воды в рот набрало.

В ту пору я был молод, энергичен и любопытен, а потому в один прекрасный день явился на набережную Карповки и отобрал пробу воды, текущей из канализационной трубы, как раз в то время, когда на выходе должен был находиться пик выбросов. Удивительным образом анализы дали отрицательные результаты. То есть, всякой дряни в стоках было более чем достаточно, но ни кислот, ни фтора, ни хрома я не обнаружил.

Тогда, вооружившись железным крюком и пробоотборной кружкой, я начал вскрывать канализационные люки, ведущие к родному предприятию. Открытие, которое я сделал, ошарашивало. Оказывается, адская смесь сливаемая комплексом БИС, давно съела трубы, растворила бетонную подложку и теперь просто утекает в землю. То есть, где-то неподалёку от музея-квартиры В.И.Ленина под землёй располагается небольшое кислотное озеро, прекрасно растворяющее глину, песок и вообще, что угодно, и каждый рабочий день в него добавляют около полтонны кислоты. Я представил, как однажды утром один из домов, со всеми жителями и музеем-квартирой вождя проваливается под землю, и мне стало нехорошо. Перед воспалённой совестью замаячил призрак ответственности. Теперь я понял, почему так снисходительно относилось ко мне руководство родимого ГСКТБППСМиОЗ. Должность моя называлась вовсе не руководитель группы сточных вод, а зицпредседатель. На предприятии никто и не думал заниматься очисткой сточных вод, деньги на строительство очистных сооружений давно были растрачены, и никаких работ в ближайшие годы не ожидалось. А на случай, если всё-таки грянет гром, на предприятии имелся козёл отпущения, на которого можно было свалить всё, что угодно. Потому с меня и не требовали практически никакой работы и до поры прощали моё неумное хамство. С козлами и зицпредседателями всегда обращаются так.

Здравый смысл требовал немедленно бежать с такой должности, но я предпочёл вступить в борьбу. Прежде всего,

следовало обезопасить самого себя. Я прекратил бесцельные демонстрации, в кабинетах начальства больше не появлялся. Зато я стал еженедельно писать обстоятельные докладные на имя генерального директора, главного инженера и его заместителя, в которых сообщал об истинном положении вещей. Но их я уже не пихал лично в руки начальству, а, как и полагается, передавал секретаршам. Под расписку. На вторых экземплярах докладных теперь красовались подписи свидетелей. За два месяца таких докладных скопилось больше двух десятков, и я решил, что пришла пора идти сдаваться. Однако судьба опередила меня: на завод явилась с проверкой инспектор "Водоканала" Наталья Сергеевна Фефелова.

Поднятый по тревоге я нашёл инспектора во дворе комплекса БИС. Вокруг невысокой женщины уже толпились зам главного инженера Чернов, главный энергетик Чепинога и мой непосредственный начальник -- зав сектором 422 Суровый. К этой же компании примкнул и я, ставши позади рабочего с железным крючком для открывания люков.

-- Вы мне лапшу на уши не вешайте! -- сердито говорила Наталья Сергеевна. -- Какая же это технологическая канализация? Это -- общесплавная, вон, там какашки плавают!

-- Плавают, -- соглашался с очевидным Борис Николаевич. -- И мы понимаем, что это нарушение, но что мы могли поделать? Дело в том, что проектировщики все туалеты в этом здании заложили на чистой половине, так что обычному персоналу, ну хоть бы с тех же очистных, просто некуда сходить по нужде. Вот мы и устроили для них туалет в помещении инструментальной кладовой. А там общесплавной канализации нет, только технологическая. Туда мы и сделали врезку. Конечно, так не полагается, но как иначе исправить это дело?

Я слушал и начинал понимать, что всякая большая ложь на девяносто процентов состоит из правды. Действительно, комплекс БИС был запроектирован уникальным образом. Полупроводниковое производство предъявляет чрезвычайно высокие требования к чистоте всех без исключения материалов и, в том числе, окружающего воздуха. Производственные помещения были герметизированы, воздух, пропущенный через несколько фильтров, подавался туда под повышенным давлением, так что в дверях навстречу входящему дул ветер, чтобы ни единая пылинка не могла влететь через приоткрывшиеся на миг двери. Работники, в основном девятнадцатилетние девушки, перед началом рабочего дня принимали душ, надевали на голое тельце голубые комбинезончики из специальной непылящей ткани и лишь затем проходили на чистую половину. И вот там, на чистой половине и

располагались все туалеты, так что рабочий с очистных или дворник для того, чтобы пописать, должен был тоже принимать душ и облачаться в голубое. Чтобы избежать этого, был оборудован сортир в инструментальной кладовой. Так что всё в словах Чернова было правдой кроме одного: люк, перед которым стояла инспектор, и впрямь принадлежал общесплавной канализации, никаких технологических стоков там не было. А настоящий люк, предусмотрительно забросанный строительным мусором, находился шагах в двадцати от этого места.

-- Тут на плане два люка обозначены, -- твердила Фефелова, тыча пальцем в развёрнутую синьку. -- Где второй люк?

-- Нету, -- нагло врал Чернов. -- Это же проектные чертежи, а на деле никакого люка нет, врезка в подвале, где даже смотрового колодца не устроить. Это строители что-то напутали.

И тогда я понял: сейчас или никогда. Всё начальство почтительно толпилось вокруг инспектора, рабочий скучно ковырял крюком асфальт и, кажется, вообще никуда не смотрел. А я стоял у всех за спинами, видимый только представителю "Водоканала". Я поднял руку и помахал, привлекая к себе внимание. Затем отошёл на несколько шагов, приподнял снятую с петель дверь и указал на люк, скрытый под ней. В лице Фефеловой ничто не дрогнуло. Она дождалась, пока я положу дверь на место и вернусь к группе, после чего с сомнением произнесла:

-- Всё-таки странно... Если первый люк здесь, то второй по плану должен находиться приблизительно вот тут, -- пальчик указал на преогромную кучу мусора, скопившегося во дворе. -- Ну-ка, откиньте эти доски, -- последовал приказ чернорабочему, -- эту дверь в сторону... а это что такое? По-моему, это люк.

Внешность Чернова в эту минуту совершенно точно соответствовала его фамилии.

Люк был открыт, глазам предстал хрустально-чистый ручеёк, бегущий по изъеденной бетонной подложке. Невооружённым глазом было видно, как шипит и растворяется бетон. В поливиниловый стаканчик была отобрана проба. Как известно со школьных лет, лакмусовая бумажка от кислоты краснеет. На этот раз она не покраснела, а стала чёрной, сгорела бедная, не выдержав действия концентрированных кислот.

-- Понимаете, у нас авария, -- путано объяснялся Чернов. -- Впервые с момента пуска комплекса -- залповый аварийный сброс. И тут, как назло, вы с проверкой...

Наталья Сергеевна слушала, кивала, но акт был составлен в самой жёсткой форме с предупреждением об уголовной ответственности.

-- Чтоб завтра ваш главный инженер явился с объяснениями к нашему начальству, -- сказала инспектор на прощание.

На рабочее место я вернулся с чувством злорадства и тревоги одновременно. Через полчаса объявился и мой начальник -- Сергей Петрович Суровый, энергичный юноша комсомольской внешности.

-- Вот что, -- сказал он с порога, -- бросайте все эти глупости, анализы-манализы, вам для анализов двух лаборантов взяли, а ваше дело -- охрана природы!

"Ага! -- подумал я. -- Зашевелились!"

Завтра с утра, -- напористо продолжал Сергей Петрович, -- поезжайте в "Водоканал", поговорите с Фефеловой, в ресторан её пригласите, если нужно -- переспите с ней, дама молодая, симпатичная, а кольцо на левой руке -- заметили? Короче, сделайте её вашим лучшим другом, чтобы она прекратила цепляться к нам. Матпомощь на ресторан вам выпишут.

Чего угодно ждал я, но не подобного распоряжения! Вот тебе и охрана природы!

-- Понял... -- судорожно кивнул я. -- Завтра прямо с утра.

И на следующий день, не заезжая на службу, я отправился в управление "Водоканал". Наталья Сергеевна встретила меня узнающей улыбкой, предложила сесть, спросила:

-- Они вас прислали? Я же сказала, чтобы приехал главный инженер, и не ко мне, а к Гринбергу...

-- Я по личному вопросу, -- поправил я. -- Дело в том, что руководство моего предприятия поручило мне переспать с вами.

Всё-таки Наталья Сергеевна железная женщина! Брови её удивлённо полезли вверх, но она лишь протянула саркастически:

-- Да-а?..

И тогда я заложил родное предприятие по полной, рассказав всё. И о метле, заменяющей реактор на первой площадке, и о картонках, подклеенных в ящиках КИП, и о том, как осуществляется перекачка стоков, и о таинственной подпольной гальванике в одном из корпусов на первой площадке.

В мемуарной литературе автор порой прибегает к лирическим отступлениям. В данном случае требуется техническое отступление, ибо подпольная гальваника сыграла решающую роль в этой криминальной истории.

Повторюсь, я очень любопытен и экскурсии моё любимое занятие. Поэтому в рабочее время я частенько шатался по заводу, заглядывая во все углы, благо что инспекторская должность позволяла мне заниматься подобными делами. Во время одной из таких прогулок на четвёртом этаже старого заводского корпуса я обнаружил гальванический участок, не отмеченный в моих

бумагах. Ряды электролизных ванн не оставляли сомнения, что передо мной именно гальваника, однако, когда я, представившись, спросил, чем, собственно, этот участок занимается, то услышал ответ:

-- Шильдики делают.

Вот уж о шильдиках я к тому времени был наслышан изрядно! Шильдик, ежели кто не знает, это тоненькая алюминиевая полоска, на которой написано название изделия. Шильдики встречаются на холодильниках, телевизорах... были они и на компьютерах "Искра". Фирменную надпись вытравляют на алюминии раствором хлорного железа. Четырёхсоткилограммовая бочка этого реактива стояла под аркой во дворе, и однажды во время сильного дождя хлорное железо было подмочено и растеклось по двору. Это был единственный случай, когда на мою докладную отреагировали немедленно, соорудив поддон. Впрочем, через месяц пустую прохудившуюся бочку увезли и притаранили другую, тоже четырёхсоткилограммовую. И я надолго остался в недоумении -- куда уходит такая прорва хлорного железа? По моим прикидкам выходило, что заводу одной такой бочки хватит лет на двести, а бочки менялись с завидной регулярностью раз в три-четыре месяца. А теперь объявился целый участок по изготовлению шильдиков, хотя с подобной работой вполне справился бы один человек, примостившийся с фотокюветой на уголке лабораторного стола.

Когда я попросил показать изготовление шильдиков, мне с готовностью продемонстрировали стол и две кюветы, в одной из которых шильдики травились, во второй -- промывались.

-- А это всё зачем? -- я обвёл широким жестом ряды электролизных ванн.

-- Это запасная гальваника. Старая, сами знаете, на ладан дышит.

-- Какая же она запасная, если в ваннах растворы?

-- Так они же холодные. Можете потрогать. Никто с этими ваннами не работает.

"Тайна заброшенной гальваники", -- какое прекрасное название для приключенческой повести! Каждую неделю я заходил на четвёртый этаж и ни разу не видел, чтобы там делали хоть что-то кроме шильдиков. Ванны всегда были холодными. Но при этом растворы таинственным образом не высыхали. Загадка работающе-неработающего участка не давала мне покоя и, наконец, я решил проверить, что за жидкости так упорно не желают высыхать в неработающих ваннах. Взял фарфоровую эрлиховскую кружку и отправился отбирать пробу на анализ.

Ничего сделать я не успел. Едва я сунулся к ванне со своей кружкой, как получил крепкую оплеуху.

-- С ума сошёл! -- начальник участка, крепкий парень с короткой стрижкой, уже был рядом, и взгляд у него был бешеный. -- С такой кружкой в раствор!.. Жить надоело?

-- Там плавиковая кислота, что ли? -- только и мог спросить я.

-- Вот именно! Видишь же, закрыто крышкой, так и нечего лезть!

Уходил с участка в смятении чувств. Конечно, получить плюху -- мало приятно, но у начальника просто не было времени по-другому остановить дурака, вздумавшего лезть фарфором в плавиковую кислоту. Мне ещё не хватало кварцевый стакан взять... И себя бы отравил и всех окружающих. И стекло, и фарфор, и кварц растворяются в плавиковой кислоте, выделяя газообразный тетрафторид кремния, которым очень просто отравиться. Вот только для каких надобностей плавиковая кислота может быть налита в электролизные ванны и почему пары чистой кислоты безо всякого фарфора не потравили работников? Ведь этой кислоты там сотни литров, а особо мощной вытяжной системы я не заметил. Понять этого я не мог и решил как-нибудь на досуге явиться с поливиниловым отборником для особо агрессивных жидкостей и отобрать пробу по всем правилам. Однако, поленился, а потом обнаружил кислотное озеро под домами Петроградской стороны и мне стало уже не до подозрительной гальваники, в ваннах которой почему-то налита плавиковая кислота. Тем не менее, я про неё не забыл и подробно рассказал Наталье Сергеевне, где именно находится данный объект.

-- Хорошо, -- подвела итог моему рассказу Фефелова. -- В следующий раз я приду с представителем "Рыбнадзора".

А "Рыбнадзор" в Ленинграде всегда был организацией, которой побаивались, ибо бассейн реки Невы это не только корюшка, которой по весне лакомился простой люд, но и миноги, попадающие на стол только самым высокопоставленным слугам народа. И, разумеется, местному царьку Романову вовсе не улыбалось кушать миноги, замаринованные ещё при жизни во фтористо-водородной кислоте.

На следующий день, явившись на службу, я сообщил товарищу Суровому, что неподкупный инспектор спать со мной не согласилась, а намерена продолжать разбирательство и собирается вызвать "Рыбнадзор". В конце концов, в мои планы вовсе не входило установление какой-то там абстрактной справедливости, я хотел только, чтобы руководство предприятия начало работать. И я увидел эту работу во всей красе.

Суровый повёл меня к Чернову, где мне пришлось повторить рассказ о железной непреклонности инспектора.

-- Ах, вот как? -- ощерился тов. Чернов. -- Я эту стерву уволю!

Немедля была снята трубка телефона, зам главного инженера СКБ "Счётмаш" звонил главному инженеру "Водоканала" товарищу Гринбергу. Из этого разговора я узнал много любопытного. О нет, Гринберг не брал взяток! Разве можно назвать взяткой партию компьютеров, которую "Счётмаш" безвозмездно обещал передать "Водоканалу"? Ведь это даже не борзые щенки, и к тому же Гринберг брал их не лично себе, а для работы... И всё-таки, избавиться от ощущения барашка в бумажке не удавалось.

Много лет спустя во времена демократии и гласности фамилия этого человека ещё раз встретилась мне. Анатолий Собчак в ту пору в очередной раз ругался с городской думой. Речь шла о должности председателя комитета по охране окружающей среды. Собчак предлагал на эту должность Ольгу Снопковскую, дума настаивала на кандидатуре Гринберга. Скорей всего, ни Снопковская, ни Гринберг меня не помнят, но я-то знал этих людей прекрасно! Снопковская была начальником лаборатории анализа сточных вод всё в том же "Водоканале". Дама жёсткая и беспощадная она была грозой для нарушителей. Именно ей подчинялись инспектора, приезда которых все так боялись. А Гринберг -- пофигист и без пяти минут взяточник. Нужно ли говорить, что все мои симпатии были на стороне кандидатуры Собчака?

Телефонный звонок Чернова разрушил мои последние иллюзии. Оставшись один я позвонил в "Водоканал" и предупредил Фефелову, что у неё могут возникнуть трудности.

-- Ничего Гринберг сделать не успеет, -- успокоила меня Наталья Сергеевна. -- Я приеду завтра.

И на следующий день проверка повторилась в расширенном масштабе. Теперь на завод прибыли сразу два инспектора.

Анекдот понятный только химикам: фамилия инспектора "Рыбнадзора" была Неслер и явившись на завод, она первым делом обнаружила аммиак.

/Примечание для не химиков: реактив Неслера -- один из самых чувствительных реактивов на аммиак и соли аммония./

Об аммиаке я ничего не знал, это вообще была разовая операция нашего руководства. Для перевозки сверхчистой деионизованной воды предприятием был куплен семитонный чешский молоковоз. Прежде всего нужно было как следует промыть цистерну изнутри, для чего туда закачали семь тонн концентрированного раствора аммиака в смеси с пергидролем. Три дня эта заряженная бомба разъезжала по городу. После того,

как раствор вдоволь побултыхался, его должны были слить в канализацию. И вот представьте картину: инспектора входят на завод, а их встречает открытый люк, возле которого стоит семитонная автоцистерна, и рабочий уже тянет шланг, чтобы начать слив.

До сих пор меня берёт жуть, когда я думаю о возможных последствиях этой операции. Семь тонн концентрированного раствора аммиака вылить в канализацию посреди города! Вовремя мадам Неслер унюхала аммиак.

Вновь сбежалось начальство средней руки: Чернов, Чепинога, Суровый. Вновь началось составление акта. Люк закрыли, машину отогнали в сторонку. Была отобрана проба воды из отстойника старых очистных. Даже экспресс-анализ показал высокое содержание Cr(VI), а вообще в тот день ПДК по хрому была превышена в сорок семь раз. Затем проверка направилась на комплекс БИС.

Ручеёк в знакомом люке бодро продолжал растворять бетон. Едва успели отобрать пробы, как ручеёк иссяк, в цехах спешно прекратили работу и перекрыли заслонки.

-- Какая авария стряслась у вас сегодня? -- ехидно поинтересовалась Фефелова. -- Давайте-ка посмотрим на ваши очистные...

Ах, почему в этот миг рядом не было кинохроники?! Снять крупным планом физиономию Чернова в ту минуту, когда инспектора спрашивали, а где, собственно говоря, трубы, по которым подаются стоки... С каким брезгливым видом Фефелова отковыривала наманикюренным ноготком картонки, подклеенные в пустым ящикам КИП! Как старушка Неслер лезла по стремянке на верхушку реагентного бака и сообщала, что никаких реактивов там не бывало вообще никогда!..

Затем проверка вновь отправилась на первую площадку, благо что дойти можно было за пять минут. Чернову было сказано, что идут к генеральному директору, который к тому времени спешно уехал куда-то. Однако, проходя через двор, Наталья Сергеевна резко спросила, указывая на старый заводской корпус:

-- А отсюда какие стоки идут?

-- Никаких! -- в отчаянии вскричал Чернов. -- Там механический цех, сухое производство, -- и понимая, что веры ему нет никакой, добавил:

-- Вон начальник цеха идёт, спросите хоть у него.

Начальник механического цеха, который действительно в этот миг вышел во двор, подошёл к призывно махнувшему Чернову, и на вопрос: "Что вы сливаете в канализацию?" -- честно

ответил:

-- Ничего. Это этажом выше льют.

О, где вы, мастера немых сцен?!

-- Что ж, поднимемся этажом выше, -- резюмировала Наталья Сергеевна, выдержав паузу.

Вновь я слышал рассказы о шильдиках и о запасной гальванике, которая не работает, ведь ванны холодные... Впрочем, инспекторы оставались столь же холодны, как и неработающие ванны. Участок имеется, а документов на него -- ни малейших. Чего ещё?..

Усталое и недовольное руководство отправилось составлять акт. Документ получился устрашающим и заканчивался предупреждением, что материалы проверки будут переданы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела.

Наконец проверяющие отбыли и в СКБ воцарилась недолгая предгрозовая тишина. Затем меня вызвали в кабинет к Чернову.

-- Почему, -- свистящим шёпотом возгласил ответственный за строительство, -- меня не предупредили, что очистные не готовы к работе?

-- Я писал вам.

-- Никаких ваших писулек я не видел! Вы понимаете, что это уголовное преступление? Будете сидеть!

-- Не видели? -- я протянул стопку заранее прихваченных докладных. -- Тогда освежите в памяти это. Вы верно сказали, что это уголовщина, поэтому учтите, что это третьи экземпляры, а вторые, на которых подписи секретарей, хранятся в надёжном месте и их будут читать только следователь и прокурор.

На Чернова было страшно смотреть. Пачка докладных полетела мне в физиономию:

-- Забери!..

Я аккуратно собрал разлетевшиеся листочки, вежливо попрощался и вышел.

Через двадцать минут в лабораторию ворвался Суровый.

-- Срочно пишите распоряжение о сливе аммиака! -- приказал он мне.

-- Сергей Петрович, вы же знаете, что это нельзя.

-- Что значит нельзя? Машина гибнет. Ещё немного и у цистерны начнёт разрушаться полимерное покрытие, а за молоковоз валютой плачено, двенадцать тысяч долларов!

-- И поэтому нужно выливать аммиак в центре города? Ведь машина на колёсах, номера есть. Выпишите путёвку, отправьте её на полигон "Красный Бор", слейте там в карьер, получите бумагу, что принято семь тонн аммиаксодержащих отходов и пошлите копии в "Рыбнадзор" и "Водоканал". И всё, один пункт снят!

Очевидно машину действительно нужно было спасать, потому что никаких разговоров о чешском молоковозе я больше не слышал. Зато после нового собеседования в кабинете Чернова, Сергей Петрович подкатился ко мне со следующим распоряжением, смысл которого был прозрачен до идиотизма. От меня требовали подписать любую противозаконную бумагу, чтобы потом под это дело можно было списать на меня и всё остальное, что творилось на предприятии.

-- Срочно составьте регламент по нейтрализации хромовых стоков прямо в отстойнике! -- дал задание мой начальник.

-- Сергей Петрович, вы же знаете, что нельзя этого делать! Чернов сбежал акт не подписывая, но ваша и моя подписи там есть! Под суд пойдём.

-- Да ничего не будет! -- принялся убеждать Суровый, -- видано ли, чтобы из-за каких-то стоков людей под суд отдавали? Я бы и сам этот регламент написал, но не умею, я не химик...

Я пожал плечами и согласился. На составление чудовищного по содержанию документа ушло около часа. Собственно говоря, это был обычный способ нейтрализации сточных вод, принятый в СКБ "Счётмаш", только дворницкую метлу я заменил сжатым воздухом. "Регламент" я собственноручно отпечатал на пишущей машинке, добавив внизу две строки: "Составил: С.П.Суровый" и "Утверждаю: Б.Н.Чернов".

С этим бесценным документом я ввалился в кабинет Чернова, где сидел в ту минуту и мой начальник.

Последовала сцена исполненная такой экспрессии, что лишь приёмы драматургии могут её передать.

Суровый: Вычеркнуть Сурового!

Чернов: Зачеркнуть Чернова! Ты составил, ты и подписывай!

Хором: Это приказ!

Я: Не подпишу.

Чернов (с угрозой): Почему?!

Я: Потому что я сидеть не хочу.

Суровый: А почему?..

В смертный мой час не забуду я растерянности, удивления и негодования, струнно звеневших в голосе моего молодого начальника. В самом деле, ну почему я не хочу сидеть в тюрьме? Сергею Петровичу Суровому этого было не понять.

Казалось бы, какой ещё сюжетный поворот может обострить уголовную интригу? СтОит неловкому автору перегнуть палку, и читатель не поверит перегруженному дикими случайностями сюжету. Однако жизнь гнёт палки как хочет и в этой истории произойдёт ещё немало случайностей и невероятных совпадений.

В тот самый час, когда я ругался с начальством, в дирекцию

принесли письмо следующего содержания:

> "Ленинградское отделение Союза Писателей СССР, Комиссия по работе с молодыми литераторами просит командировать вашего сотрудника *** для участия в Первом Всесоюзном совещании молодых писателей-фантастов. Совещание будет проходить в доме творчества "Малеевка" под Москвой..."

Да, это было начало той самой Малеевки, которая прочно и навсегда вошла в историю отечественной фантастики! А в криминальной истории ГСКТБ "Счётмаш" оно прозвучало резким диссонансным аккордом.

"Он ещё и фантаст!"

На следующий день с утра меня вызвали к генеральному директору.

Товарищ Хохлов (имени-отчества его я не помню) был самым молодым генеральным директором в стране, чем немало гордился весь коллектив. Спортивного вида парень, всегда безукоризненно одетый и чрезвычайно корректный в общении, он ничуть не походил ни на крупного руководителя, ни на матёрого ворюгу. Но на этот раз от его вежливости не осталось и следа. В самых матерных выражениях мне было объявлено, что я не в дом творчества поеду, а прямиком в тюремную камеру и выйду оттуда не раньше чем через пять лет...

Реально маячившая отсидка казалась мне чем-то абстрактным, а вот в Малеевку хотелось очень. Тогда я решился на самый страшный блеф, какой только можно было представить в те времена.

-- От Ленинграда на совещание едет всего два человека, -- твёрдо сказал я, -- обе кандидатуры утверждены Обкомом партии. Если угодно, можете позвонить в идеологический отдел Обкома и объяснить, что вы не отпускаете утверждённого ими человека!

Не было для советского чиновника слов грознее чем Идеологический отдел Обкома КПСС. И уж, разумеется, никто не стал бы впустую стращать официальное лицо этим жупелом. Это было бы кощунство за пределами мыслимого. Товарищ Хохлов ни на секунду не усомнился, что меня действительно утверждали в идеологическом отделе, так что если он вздумает оспаривать это решение, у партийных бонз может взыграть самолюбие...

Казалось воздух выпустили из проткнутой велосипедной камеры, широкие плечи сгорбились, генеральный обмяк и хрипло проговорил:

-- Ладно, поезжай. Вернёшься -- поговорим.

И я поехал в Малеевку.

О Малеевке уже немало написано и, думаю, будет написано ещё больше. В начале восьмидесятых это была единственная отдушина для тех, кого сейчас называют "четвёртой волной" в российской фантастике. Там я познакомился со многими людьми, которых считаю своими друзьями, там проводились обсуждения рукописей, там были полуночные посиделки, знакомые сегодня всякому участнику конов. И там мы узнали ещё об одном событии, поворотившем не только историю всей страны, но и мою детективную историю в частности.

Мы сидели на семинаре, который вёл замечательный писатель Дмитрий Александрович Биленкин, когда вошла бессменный руководитель Малеевок Нина Матвеевна Беркова и испуганным голосом сообщила:

-- Товарищи! Наша страна понесла тяжёлую потерю. Только что по радио передали: умер генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Честно говоря, была некоторая растерянность. Брежнев казался кем-то вроде Кощея Бессмертного, такие умирать не могут по определению. И ещё, мы всерьёз опасались, что из-за траура нам не покажут фильм "Звёздные войны", чего все ждали с нетерпением. Однако, за всеми этими тревогами никто не понял главного: эпоха застоя заканчивается, пришла пора недолгого, но бурного царствования Юрия Владимировича Андропова.

Теперь мне приходится говорить о вещах, свидетелем которых я не был. Рассказывают, что Андропов, понимая, что рыба гниёт с головы, и что от простых людей ничего нельзя требовать, покуда развращённое начальство не думает ни о чём, кроме личного блага, приказал, чтобы в каждом министерстве и ведомстве, в любом регионе и республике были выявлены вопиющие случая воровства и коррупции и проведены публичные процессы. И чтобы сажали там не стрелочников и прочую мелкую сошку, а рыбку покрупнее. Ту самую, что гниёт с головы. Так ли это -- не знаю, циркуляра подобного я не читал, но живо представляю чувства министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления, товарища Шкабардни, ежели он и вправду получил такой циркуляр.

Собственно говоря, когда я уезжал в Малеевку, у нас был другой министр приборостроения. По странному стечению обстоятельств фамилия у него была такая же, что и у директора "Счётмаша". Нетрудно догадаться, что большинство серьёзных вопросов самый молодой генеральный директор страны решал через голову начальника главка непосредственно со своим дядей. И причин для любви к Хохлову-маленькому у начальника главка не было. И тут, за несколько дней до всенародного траура по

Леониду Ильичу умирает Хохлов-старший и Шкабардня становится новым министром.

Руки так и чешутся описать, как севши в тёплое министерское кресло, в самый первый день, начинающий министр получает секретный циркуляр с требованием показательного процесса и телегу из прокуратуры, о том, что в "Счётмаше" у ненавистного Хохлова выявлена откровенная уголовщина. И всё-таки повторю: не было меня в министерском кабинете, не читал я секретных циркуляров через плечо министра и в голове у него не копался. Читатель, если угодно, пусть домысливает сам.

Во всяком случае, из Москвы явился грозный приказ, в котором говорилось, что согласно постановлению Совета министров ответственными за природоохранные мероприятия являются генеральные директора предприятий или главные инженеры, если они назначены приказом. А у нас ответственным был назначен я, да и то этот приказ показали мне задним числом.

Следом за приказом из Москвы явилась группа следователей. Это были серьёзные специалисты, они понимали, что за неделю новые очистные никто не выстроит, а вот таинственная гальваника может и исчезнуть. Поэтому первым делом они нагрянули туда. Дело закрутилось.

К тому времени, как я вернулся из Малеевки, никто уже не пытался сажать меня в тюрьму. Всякий спасал свою шкуру и сваливал вину на обречённого Хохлова. Но при этом я со своими бумажками был крайне нежелательным свидетелем для товарища Чернова. Одно за другим последовало несколько совещаний у заместителя главного инженера, где меня назначали ответственным, кажется, за всё на свете. Ругаться и доказывать, что материальное снабжение или плановый ремонт очистных не входят в обязанности инспектора, надзирающего за качеством очистки, не было ни сил, ни желания. Пришла пора менять место работы.

Всё остальное мне известно со слов третьих лиц, поэтому я всего лишь вкратце сообщу, что таилось в подпольной гальванике и чем закончилась вся эта история.

Полупроводниковое производство не зря предъявляет жёсткие требования к чистоте. Сядет пылинка на кремниевый диск, подготовленный к фотолитографии, и будет испорчена не только та схема, на которую попала зловредная грязь, но и десяток соседних схем будут иметь искажённые характеристики. Так что даже у проклятых буржуинов 95% готовых БИС'ов уходит в брак. И вот в чью-то светлую голову пришла мысль: если почти вся продукция идёт под пресс, то нельзя ли на этом погреть руки? Среди десятков технологических операций есть и процесс

золочения. Выделить следовые количество золота из бракованных БИС'ов не смогли даже экономные японцы, но отечественные умельцы решили эту проблему гораздо проще. Раз золото не выделить из схемы, то его просто не нужно пихать туда. И вот, в доброй половине заготовок операцию золочения стали пропускать, а "готовое" изделие отправлять под пресс, минуя ОТК. Зато те схемы, на долю которых золочение досталось, считались исправными, если показывали результат хотя бы отдалённо напоминающий рабочий.

Вот вам и ответ, почему отечественная "Искра" была хуже зарубежного аналога. Любопытно было бы узнать, почему наши холодильники, телевизоры, магнитофоны уступали зарубежным...

А в таинственной гальванике по выходным дням доверенные люди гнали ювелирку, которую сбывали где-то на чёрном рынке. То есть, получается, что многоэтажный кирпич на углу Левашовского и улицы Ленина работал впустую и бесцельно сливал кислоты. К понедельнику ванны золочения успевали остыть, так что бритоголовый начальник участка с полным основанием говорил, что никто здесь не работает.

Разумеется, никакой плавиковой кислоты в ваннах не было, просто начальник не мог допустить, чтобы я зачерпнул полную кружку раствора золота. Не хочется представлять, что было бы со мной, если бы я явился за пробой вторично, с полихлорвиниловым стаканчиком.

От ванн золочения тоже есть стоки, причём содержат они цианиды. А цианистый калий -- не та вещь, которую можно безнаказанно сливать в канализацию. СЭС анализы на цианиды делает и ежели вдруг обнаружит их в стоках, то молчать не будет. Поэтому перед криминальным руководством ГСКТБ встала проблема нейтрализации циансодержащих стоков. Любой химик скажет, что проще всего этого добиться с помощью солей железа. Образуется безобиднейшая берлинская лазурь, которую в сточной воде никто не сможет обнаружить. Именно для этого, а вовсе не для травления шильдиков регулярно закупались бочки с хлорным железом. Во время работы ванн золочения концентрированный раствор хлорного железа десятками вёдер выливался в соседнюю раковину, так что ещё в сливной трубе все цианиды уничтожались.

Однако одно нарушение немедленно влечёт за собой другое, которое требует новых мошеннических проделок. Конечно, железо это не цианид, СЭС смотрит на превышение по железу сквозь пальцы. Но это при условии, что сброс железных солей нерегулярен и не слишком велик. А что делать, если хлорное железо сливается сотнями килограммов? Но и здесь жулики

нашли блестящий выход.

Старый заводской корпус стоит спина к спине к Институту Особо Чистых Биопрепаратов. Оба здания дореволюционной постройки и имеют общий подвал, разделённый кирпичной перегородкой. И вот однажды ночью диверсанты из ГСКТБ разобрали перегородку, врезали трубу в институтскую канализацию, а затем замуровали пробитое отверстие. И все стоки начали уходить в коллектор НИИОЧБ.

Года два спустя я встретился с одним из своих одноклассников, который работал в Биопрепаратах. Я спросил его, не слыхал ли он что-нибудь о сбросах железа в канализацию института. И тут всегда спокойный и флегматичный Коля закричал. Оказывается, проверки являлись в НИИОЧБ чуть не каждый день. Институт ежемесячно штрафовали, директор издавал приказы один грозней другого, все соли железа в лабораториях были изъяты и хранились в сейфах вместе с драгоценными металлами. И всё же ничто не помогало. К концу недели содержание железа в стоках казалось уже приближается к норме, но, хотя все работы в выходные были строжайше запрещены, в понедельник анализ показывал превышение ПДК по железу в десятки тысяч раз. И во всём институте не нашлось любопытного человека, который бы прошёлся по канализационной системе и выяснил, откуда льётся зловредный раствор.

К июню 1983 года следствие по делу ГСКТБ "Счётмаш" было закончено. Юрий Владимирович Андропов к тому времени управлял страной, не приходя в сознание, так что дело это как и многие ему подобные старались спустить на тормозах. Хохлов не был арестован, а ограничившись подпиской о невыезде, жил на даче, где вволю мог укреплять здоровье, занимаясь спортом на свежем воздухе.

В тот день, на который было назначено слушание дела, Хохлов поднялся необычно рано и, видимо, решил заняться спортом. Например, потаскать штангу или поплавать в соседнем озере. Не зная, что выбрать, директор остановился на обоих вариантах вместе. Неожиданно оказалось, что плавать со штангой занятие непростое, директору стало нехорошо с сердцем, и он утонул. Во всяком случае, осиротевшим работникам "Счётмаша" объявили, что у Хохлова случился во время купания сердечный приступ. Шёпотом рассказывали о двух блинах от штанги, которые этот приступ вызвали.

Профессиональные детективщики могут здесь пойти двумя путями. Любитель сопливых мелодрам будет живописать душевные переживания и внутренние монологи лирически-

криминального героя, в ту минуту, как он со штангою под мышкой "изменившимся лицом бежит пруду". Автор, склоняющийся к боевику опишет мордоворотов, волокущих к озеру слабо упирающегося директора. Оба выжмут из читателя слезу, сорвут аплодисменты и гонорары. Но я не детективщик, я не знаю, как именно помирал проворовавшийся директор, и знать это мне совершенно не интересно.

Всё, начиная с крупного воровства и кончая мелкими нарушениями, списали на утонувшего, репрессии не коснулись ни верхов, ни рядовых исполнителей. Дело было закрыто в связи с гибелью обвиняемого. Осталось добавить, что я, по рекомендации инспектора рыбнадзора был принят начальником бюро охраны окружающей среды одного из ленинградских заводов, то есть, единственный из участников этой истории пошёл на повышение.

Очень хотелось бы вслед за классиками сказать, что "это уже совсем другая история", однако, увы, жизнь словно школьный ментор, учит нас чередой унылых повторений, о чём и будет рассказано ниже.

Действие второе. DEJA VU

Умный человек Карл Маркс однажды сказал, что история не просто повторяется дважды, но первый раз это происходит как трагедия, а второй -- как фарс.

"Один из ленинградских заводов", куда я был принят большим начальником, некогда носил название "Русский Рено", а ныне он скромно именуется "Завод имени Климова". Во все времена это был моторостроительный завод, в начале прошлого века именно там смастерили броневик, помнящий тепло ленинских пяток. Сейчас на заводе делают вертолётные моторы, и это очень большой секрет, известный, кажется, всем и всякому. Вертолёт это тебе не броневик, с него речуги не толкнёшь, поэтому сегодня бывший "Русский Рено" опасности для общества не представляет. И, конечно же, такого разнузданного воровства, как в гражданском "Счётмаше" на военном заводе быть не могло, так что любители дюдиков могут дальше не читать, фарсы, как известно, пишутся для любителей анекдотов.

Должность моя теперь называлась: "Начальник бюро охраны окружающей среды" и подчинялся я непосредственно главному энергетику. В ведение моё входили не только стоки, но и выбросы в атмосферу. Впрочем, повторю, никакой уголовщины за заводе не было, старенькие очистные работали со скрипом и авариями, но всё-таки без помощи метлы. Устаревшие циклоны местами проржавели до дыр, но как могли улавливали вредную пыль, а когда один из циклонов упал от старости, его даже заменили, на что я, честно говоря, не рассчитывал.

Вообще мой природоохранный пыл к тому времени угас, я был исполнен скептицизма, завод рассматривал только как место, где получают зарплату, а будущее связывал с литературой. Любопытства, впрочем, не потерял и с удовольствием лазал не только по крышам, где стояли подведомственные циклоны, но и в цеха заглядывал, те, в которые меня пускали. А пускали не везде, ибо завод был военный. Удивительное дело, в цех вход по пропускам, а по крыше я брожу, как у себя дома и, если вздумается, могу по составу выбросов составить полное представление о том, что делается под моими ногами.

Были среди циклонов пара штук, привлекавших особое внимание. Пыль, которая скапливалась в них, не выбрасывалась, а тщательно собиралась и сдавалась на переработку, причём учёт вёлся весьма строго. Вот в этот-то цех я и отправился, поглядеть, как вырабатывается столь драгоценная пыль.

Внутрь я попал беспрепятственно и, следуя вдоль вытяжной

трубы, скоро оказался возле огромнейшего шлифовального станка. Что-то тонко цикало, посверкивали искорки, ничтожные по сравнению с махиной станка, мощно гудела вентиляция, унося наверх мою дражайшую пыль. Перед станком стоял рабочий, казалось сошедший с плаката "Мой завод -- моя гордость". Хорошее, не пропитое лицо, прямой взгляд, щёточка седых усов. Человек этот работал, серьёзно и без дураков. То он приникал к окуляру двухтубусного микроскопа, то, приостановив движение станка, мерял что-то микрометром, то просто, прищурив глаз, оценивал своё творение, так что сходу вспомнилось лесковское "у нас глаз так пристрелявши". Замерев, я следил за этим священнодействием. Наконец мастер остался доволен. Выключив станок, он снял деталь, не рукой, боже упаси, а бархоткой. Уложил её в гнездо лакированного, фланелью выстланного ящичка, закрепил в магнитных держателях новую деталь, и производственный процесс возобновился. И видно было, что так продолжается уже не один день, поскольку рядом на поддоне стояла высоченная стопка таких же лакированных ящичков.

А затем вся идиллия была грубо нарушена. Раздалось громыхание и в проходе показались двое знакомых работяг из службы главного энергетика. Именно они после письменных напоминаний неохотно чистили циклоны и вывозили накопившуюся пыль: бросовую -- на свалку, дорогую -- на переработку. Один из мужиков катил тележку, на которой стояли четыре ящика из-под картофеля. Остановившись возле станка, работяги принялись открывать ящички и с грохотом ссыпать лежащие в гнёздах детали.

-- Куда вы это? -- в ужасе спросил я.

-- На помойку, -- последовал ответ. -- Лишних понаделали...

Грохот стоял немилосердный, но усатый герой производственного романа и ухом не повёл. Он продолжал ловить микроны. С этой секунды его деятельность наполнилась для меня особым идиотским смыслом. Вот так равнодушно взирать, как уничтожаются результаты многодневного труда...

Сейчас, когда я слышу, как нынешние старики ругают нищенские пенсии, говоря, что они всю жизнь горбатились и ишачили на производстве, я всякий раз вспоминаю этого трудягу. Ведь это его будущая пенсия в картофельных ящиках отправлялась на свалку. И мне хочется сказать: "В том-то и беда, что все ишачили, горбатились и никто не работал. Горбатятся верблюды, ишачат ослы, а им на старости лет полагается не пенсия, а живодёрня. Вы получили свою живодёрню, чем же вы не довольны?"

И я тоже хорош! Собирать пыль, содержащую какой-то

процент жаропрочного хромомолибденового сплава, в то время как сами детали десятками тонн вышвыриваются на Парнасскую свалку...

С тех пор я стал внимательно присматриваться к деятельности знакомых пропойц, и обнаружил, что завод значительной частью работает на заполнение помойки. Вывозились застывшие потёки магния из литейки (Ох, сколько проблем создал мне этот магний впоследствии, когда я работал учителем химии, а ученики, чувствовавшие себя на свалке как дома, тащили оттуда магний целыми рюкзаками!), выбрасывались детали из нержавейки (подотчётная стружка сдавалась на переплавку, а готовые детали шли на выброс!), уничтожалось ещё что-то, неясного предназначения, но явно стоящее немалых денег. Бодро и целеустремлённо страна производила свою грядущую нищету. Старенький самосвал, предназначенный для вывоза мусора, ни дня не простаивал без дела.

Однажды я увидел, как в самосвал грузятся странные металлические штабики. Диаметром около десяти сантиметров и длиной почти два метра эти железяки, казалось бы, можно двигать лишь краном, однако знакомые молодцы довольно легко ворочали их вручную. Подойдя, я попытался приподнять один из штабиков и был поражён его лёгкостью. Это был титан. Я не выдержал и пошёл к главному энергетику Валентину Константиновичу Клюшкину. Валентин Константинович в ту пору недавно отметил шестидесятилетие, он собирался на пенсию и был добр и разговорчив, так что на свой вопрос я получил развёрнутый ответ. Оказывается, титан заводу вовсе не нужен, в производстве вертолётных моторов он не применяется. Заводу нужна нержавеющая сталь, но даже выделенные лимиты получить удаётся далеко не всегда. А если лимиты не будут выбраны, то на будущий год их урежут; существовала в советские времена такая практика. А титан шёл по той же графе, что и нержавейка, так что в те годы, когда нержавейку добыть не удавалось, завод добирал остатки ненужным ему титаном. Титановые штабики складывали у стенки, где он и лежал без дела. Через двенадцать лет его списывали, хотя ничего ему за это время сделаться не могло. Но и списанный титан было некуда девать. "Вторчермет" его не принимал, ибо это не железо, "Вторцветмет" -- тоже, поскольку титан стратегический материал и без соответствующих документов принят быть не может. А получать соответствующие документы -- значит, объяснять, чего ради завод приобрёл этот самый стратегический материал.

-- На свалке его тоже не принимают, -- огорчённо рассказывал

Клюшкин, -- но за пол-литра спирта охрана пропустит самосвал и позволит высыпать без документов. А там пусть разбираются, что это за титан и откуда он взялся.

Года четыре спустя, когда я учительствовал в одной из школ Выборгского района, любящие ученики взяли меня с собой в культпоход на свалку. Там я увидал горы турбинных лопаток от секретных вертолётов, россыпи нераспакованной химической посуды, по которым неспешно ползал бульдозер, и знакомые титановые штабики, сложенные поленницей выше человеческого роста. Управление вторичными ресурсами столкнулось с той же проблемой, что и завод: титан не гниёт и не ржавеет, а девать его некуда -- стратегическое сырьё, будь оно неладно! И накопилось его за последние десятилетия видимо-невидимо...

Последний раз я видел этот титан по телевизору. В стране уже вовсю бушевала перестройка, и господин Невзоров ведущий передачи "600 секунд" создавал себе имя, раскручивая титановый скандал. Партия титана была задержана на таможне, его пытались вывести за границу под видом лома чёрного металла. Невзоров очень старался разузнать, где были украдены стратегические материалы, а они вовсе и не были украдены. Предприимчивые импортёры просто купили его на свалке по цене и по документам металлолома.

Впрочем, всё это будет потом, а покуда помоечное производство забирало лишь малую долю моих усилий. Львиную долю времени отнимали отчёты перед различными контролирующими организациями. Охрана природы по-советски состояла преимущественно из писания многочисленных бумаг. Контролирующих организаций насчитывалось семнадцать штук, так что я сегодня не могу даже припомнить их все. Самые чудовищные бумаги присылал для исполнения "Гипроавиапром" (сокращённо ГАП), бывший в министерстве авиационной промышленности головной организацией по охране природы. Находился ГАП в городе Куйбышеве, меня до сих пор корёжит, когда я слышу этот топоним, и я искренне рад, что городу на Волге вернули исконное, не запятнанное головотяпством имя.

Чего стоила хотя бы "Методика расчёта вредных выбросов в атмосферу", засекреченный документ объёмом в двести пятьдесят страниц плотного машинописного текста. Текст был переполнен опечатками, грамматическими ошибками (до двадцати штук на страницу!) и математическими формулами, в которых я, как ни силился, ничего не мог понять. Конечно, я всегда был не в ладах с математикой, но боюсь, что и математик не сможет ответить, как следует брать интеграл по постоянной величине и получать при этом некие значащие величины. Как жаль, что у меня не было ни

одного знакомого шпиона, я подарил бы ему этот секретный манускрипт, после чего половина сотрудников ЦРУ померла бы от смеха, а прочие навеки зареклись бы вынюхивать военные тайны моей родины!

"Методику" я засунул в стол и постарался забыть о ней. К тому времени я уже стал законченным бюрократом и знал, что девяносто процентов бумаг, направленных для исполнения, исполнять вовсе не нужно, пройдёт время, и они изноют сами собой. Однако, в данном случае подобного не произошло. Через месячишко раздался междугородний звонок и гневный женский голос вопросил, почему я до сих пор не ответил на их письмо. Я ответил, что никакого сопроводительного письма в бандероли с методикой не было, так что методику я всего лишь принял к сведению.

-- Там в самой методике всё написано! -- продолжала напирать куйбышевская дама.

Тогда я просто сказал, что моего университетского образования оказалось недостаточно, чтобы разобрать весь этот бред.

-- Да чего там разбирать! -- голос дамы излучал презрение. -- Откройте страницу двести сорок шестую!

-- Ну, открыл...

-- Найдите приложение номер семнадцать.

-- Есть там такое.

-- Заполните графу четыре и срочно пришлите нам. А больше вам ничего и разбирать не нужно.

-- Тогда зачем вы присылали мне весь этот труд, не проще ли было выслать одну графу?

-- А это уже не ваше дело! -- в трубке загудели сигналы отбоя.

Пожав плечами, я принялся разбираться, что же это за таинственная четвёртая графа, и с удивлением обнаружил, что мне предлагают выслать обычные данные по выбросам в атмосферу, просто в отличие от ежегодного отчёта там стояли не тысячи тонн в год, а граммы в секунду. Поскольку единственные цифры, которыми я мог оперировать, были данные проведённой два года назад инвентаризации, то я и принялся отталкиваться от этих чисел. Перевёл тысячи тонн в граммы, посчитал количество рабочих секунд в году (какой бред, ведь с учётом коэффициента сменности считал!) и получил переводной коэффициент. Затем набрал куйбышевский телефон и, услыхав знакомый голос, спросил:

-- Есть у вас мой ежегодный отчёт?

-- Да, вот он передо мной на столе лежит.

-- Найдите в нём первую графу, каждую цифру в ней умножьте на девяносто две целых и шесть десятых, результаты перепишите в вашу четвёртую графу и перестаньте валять дурака!

Теперь уже я бросил трубку, не дав куйбышевской дуре сказать последнее слово.

Неудивительно, что в таких условиях я быстро и полностью потерял всякий интерес к работе. Больше всего мне хотелось не париться на проклятом заводе, а сидеть в библиотеке или архиве и собирать материал о нелёгких взаимоотношениях замечательного русского химика Николая Соколова с его давним врагом и соперником Дмитрием Менделеевым. И я нашёл способ, как делать это в рабочее время.

Особое место в природоохранном бумаготворчестве занимали ежеквартальные отчёты, которые нужно было посылать в головную организацию, предварительно согласовав их с "Водоканалом", "Бассейновой инспекцией", "Газовой инспекцией" и региональным "Статуправлением". И вот, когда подходила пора отчётов, я, появившись с утра на работе, отмечался у табельщицы, громко объявлял: "Я поехал в Статуправление!" -- и уходил в библиотеку. На следующий день история повторялась. Затем я два дня гулял в "Бассейновую" и так далее по списку. Раз в три месяца восемь дополнительных выходных -- это не так мало, но, в конце концов, это надоело моему начальнику. Валентин Константинович человеком был прямым и посему без обиняков объявил мне, что, по его мнению, я прогуливаю работу, ибо согласовать отчёт -- дело двадцати минут, а никак не двух дней.

К подобному разговору я был готов и потому предложил главному энергетику поехать в "Водоканал" вместе со мной и на деле доказать, что нет ничего проще согласования природоохранных документов. И Клюшкин на свою голову согласился.

На следующий день в пол-одиннадцатого мы уже были на улице Красной Конницы, сидя в самом хвосте длиннейшей очереди. К пятнадцати часам мы проникли в кабинет, где вёл приём товарищ Слосман (даже не знаю, какую должность он занимал в сложной иерархии "Водоканала"). Дальнейшее напоминало дурную кинокомедию со швырянием тортов и падением мордой в грязь. От отчёта не осталось камня на камне, всякая цифра была оспорена и объявлена подтасовкой, а весь отчёт полной глупостью, если не преступлением.

-- Да как же это недостоверные цифры?.. -- негодовал Клюшкин. -- Мы инвентаризацию сбросов производили, хозспособом, шесть тысяч уплачено, а вы говорите недостоверно!

-- Когда проводилась инвентаризация?

-- В позапрошлом году.

-- Не годится. Нужно ежеквартально.

Когда мы выходили из кабинета, на Клюшкина было жалко смотреть. Губы его тряслись, и весь он словно стал ниже ростом.

-- Где же я возьму каждый квартал по шесть тысяч на инвентаризацию? -- растерянно твердил он.

-- Валентин Константинович, успокойтесь, -- сказал я. -- Завтра я снова поеду в "Водоканал" и опять пробуду там целый день. И согласование я вам привезу, хотя в этом отчёте не будет изменено ни одной цифирьки.

Скорей всего, Клюшкин остался в убеждении, что я прогуливаю эти восемь дней, но поскольку согласование я привёз, то он благоразумно решил, что дешевле давать одному из сотрудников по восемь отгулов раз в три месяца, чем ежеквартально проводить инвентаризацию. Многоопытный начальник был прав, я действительно прогуливал работу, правда, не восемь, а лишь семь дней. Один день уходил на то, чтобы согласовать отчёт во всех четырёх инстанциях, разбросанных по разным концам города. Как я это делал, я расскажу в самом конце истории, а догадливый читатель пусть покуда поломает голову.

Между тем куйбышевский ГАП продолжал свою архиполезную деятельность. На мою голову свалилось новое безумное и совершенно невыполнимое распоряжение.

Охрана природы по-советски состояла, в полном соответствии с ленинскими словами, из учёта и контроля. Сбрасывать дозволялось что угодно, куда угодно, реально ничего не улучшая, но учитывать вредные сбросы было первейшей обязанностью предприятия. И вот чей-то извращённый разум придумал для этого гениальнейший ход. Рассуждал он следующим образом: инвентаризация источников вредных выбросов на всех предприятиях министерства проведена, то есть, мы знаем, сколько грязи в секунду вырабатывает каждый механизм. Ежели где существуют очистные, то известен и их КПД. Значит, мы знаем, сколько грязи в секунду выделяет в атмосферу каждый источник (вот зачем потребовались секунды, в таинственном приложении номер семнадцать! Куйбышевский ГАП шаг за шагом приближался к осуществлению своей идеи). Теперь осталось что? -- совершенно верно, узнать, сколько секунд в году работал каждый источник, и мы с непредставимой точностью узнаем сколько выброшено в атмосферу пыли, сернистого ангидрида и прочих прелестей. Задачка, как видим, для пятого класса... если решать её на бумажке. А вот на практике, увы, она нерешаема в принципе. Тем не менее, как

поётся в песне, "мы рождены, чтоб сказку сделать", и сказка была сделана. Называлась она совершенно не сказочно: "Форма №..." -- а далее шёл цифровой и буквенный индекс, что-то вроде ЦН-12 -- не помню точно, но думаю, не будет слишком сильным отхождением от истины называть её так. Пусть будет "Форма № ЦН-12".

Форма эта представляла собой толстый журнал четвёртого формата. Таковой журнал следовало положить возле каждого источника загрязнений и отмечать в нём число, час и минуту включения механизма, а также его выключения. Делать это должны были сами рабочие, на мою долю выпала обязанность следить, чтобы всё делалось правильно и в срок, а также обсчитывать все данные, сводить их в общие таблицы и отсылать трудолюбивым кретинам из Куйбышева. Оставим в стороне тот незамысловатый факт, что ни один рабочий не станет делать этих дурацких записей, подойдём к делу чисто формально. Моторостроительный завод имени Климова -- завод механический, источников вредных выбросов в атмосферу на нём около восьмисот, причём более полутысячи это точильные круги, выбрасывающие в воздух абразивную и металлическую пыль. Я не поленился и сделал хронометраж. Выяснилось, что рабочие подбегают подточить свой инструмент достаточно часто. С учётом полуторасменной работы каждый круг ежедневно включался около сорока раз. Умножаем на пятьсот и получаем сорок тысяч записей в день (не забываем, что, выключив круг, рабочий снова должен был взять карандашик и сотворить вторую запись). Если принять, что в году у нас двести пятьдесят рабочих дней, то получим десять миллионов записей. Чтобы записать всё это потребуется около десяти тысяч журналов, то есть, пятнадцать тонн бумаги в год. В соответствии с нормами, для ручного обсчёта подобного массива чисел, завод должен был принять на работу дополнительно шестнадцать сотрудников.

Всё это я изложил письменно, отпечатал на фирменном бланке и отослал в министерство. Причём я не оспаривал разумность введения формы, я всего лишь просил выделить заводу лимиты на бумагу (пятнадцать тонн в год) и штатные места для сотрудников, которые будут всё это обсчитывать. Очень хотелось бы краешком глаза глянуть на физиономию чиновника, читавшего мою безумную цидульку.

Впрочем, никакого ответа из министерства не последовало.

Служба ни шатко, ни валко, шла своим чередом, анализы делались, замеры проводились, вывозились на свалку отходы и готовая продукция, ремонтировались циклоны, латались старые очистные и потихоньку проектировались новые, которые должны

были потреблять не дефицитную соду, а известь-пушонку. Приходящие циркуляры я клал под сукно или же лениво отбрехивался. За два года я стал настоящим бюрократом и мастером отписок. На подобное исполнение обязанностей уходило часа полтора в день, остальное время я мелким почерком (чтобы коллеги через плечо не прочитали) писал фантастические рассказы. И, конечно же, сюда следовало приплюсовать двадцать восемь прогулов, которые позволялись мне, благодаря ежеквартальным отчётам.

И, наконец, грянул гром. Прошло уже полгода со дня введения "Формы № ЦН-12" и Куйбышевский ГАП решил проверить, как выполняется его распоряжение на предприятиях отрасли.

Директор ГАП'а был по совместительству замминистра по охране природы, так что я не сразу врубился, кто нас проверяет, и при первой встрече на вопрос, какие имеются трудности, принялся жаловаться на идиотов из Куйбышева, которые сами не понимают, чего требуют.

-- Самая большая трудность -- огромное количество бессмысленных бумаг, присылаемых ГАП'ом, -- так я закончил свою речь.

Замминистра побагровел, произнёс: "Разберёмся. А пока -- заполните вот это", -- и он протянул мне пачку бумаг, толщиной с руку.

Вернуться комиссия должна была через три дня, в течение которых я обязан был подготовиться к детальной проверке.

Первая бумага, выданная ревизором, не отличалась оригинальностью. Всё те же вредные выбросы, но на этот раз не тысячи тонн в год и не граммы в секунду, а килограммы в час. Её я отложил, решив заполнить на досуге.

Следующая задачка была похитрее. Следовало сообщить, сколько на предприятии имеется транспортных средств, в том числе легковых, грузовых и дизельных. И при этом указать суммарный пробег для каждого класса машин и годовой расход бензина разных марок, а также дизельного топлива.

С этой таблицей я пошёл в транспортный участок. Начальник участка пролистал бумаги и популярно объяснил, где именно в туалете находится гвоздик, на который следует их повесить. В глубине души я был согласен с таким решением проблемы и потому, не настаивая, ушёл к себе в отдел. Какие ещё хитрости изобрёл ГАП, я даже не стал интересоваться.

Зато на следующий день мне позвонили со "Светланы" и пригласили приехать к ним.

Честно говоря, я не подозревал, что "Светлана" делает что-то

для авиационной промышленности, и её тоже коснётся проверка. И мне позволили из-за угла лицезреть эту проверку.

Куйбышевский зам обошёл пару участков, где его подводили к каким-то механизмам и показывали лежащие рядом журналы. Проверяющий лениво листал их, благосклонно кивал и шёл дальше. Лаборантка, прятавшаяся вместе со мной за углом, хватала просмотренные журналы, быстренько забегала вперёд и раскладывала их на пути замминистра. Так повторилось раза три, затем комиссия скрылась в кабинете главного энергетика, а мой коллега, задержавшись на полминуты, вручил журналы мне и сказал, что после проверки за ними приедут со сталепрокатного, которые, в свою очередь передадут форму ЦН-12 дальше.

Ещё полгода назад я бы, не моргнув глазом, повторил действия всех моих предшественников, но грандиозная бессмысленность происходящего, всеобщий Сизифов труд, вызвали нервный срыв. Я был по горло сыт охраной природы по-советски. Просто бездельничать я ещё мог, но участвовать статистом во всеобщем фиглярстве оказалось свыше сил. К тому же я узнал, что жаловался на куйбышевский ГАП директору Куйбышевского ГАП'а, и у меня не выдержали нервы. Когда замминистра прибыл на завод вторично, его ждали девственно незаполненные бумаги и полное отсутствие формы № ЦН-12.

На требовательное "Почему?" я ответил, что постановлением Совета министров запрещены любые формы отчётности, не утверждённые Центральным статистическим управлением.

-- Почему на заводе не внедрён учёт выбросов по форме ЦН-12? -- распаляясь, продолжал проверяющий.

-- Да потому, что её физически невозможно внедрить... -- начал было я, но замминистра немедля осадил нахала:

-- На других заводах почему-то всё внедрено!

-- Если вы говорите вот об этих книженциях, -- я помахал перед властительным носом четырьмя журналами, -- то вот они. Вчера получил их на "Светлане", завтра передам "Сталепрокатному". И если вы не поняли, что вам уже три дня кряду показывают одни и те же липовые журнальчики, то вам не то что ответственный пост доверить, вам веники вязать не по разуму. А если всё видели, но молчали, то вам не в этом кресле сидеть, а на скамье подсудимых!

Скандал случился преизрядный. Замминистра апоплексически полиловел и замахал руками. Клюшкин был бледен и сидел "по стойке смирно". Честно говоря, мне до сих пор трудно понять: человек, прошедший всю войну, имевший боевых наград больше, чем юбилейных медалек у чиновного кретина, трепетал перед этим кретином. В глазах застыл ужас.

Зато второй проверяющий -- главный энергетик министерства -- от хохота едва не сполз под стол.

Наконец у куйбышевского гостя прорезался голос.

-- Вон отсюда! -- заорал он. -- Вы уволены! На это место найдут более компетентного человека!

-- Компетентного в чём? -- спросил я и, не дожидаясь ответа, вышел.

Далее события идиотически разворачивались по наезженной колее. Едва я вернулся на рабочее место, зазвонил телефон. Меня просили зайти в приёмную генерального конструктора.

"Успел нажаловаться..." -- подумал я, собираясь на ковёр.

Я ошибся. Куйбышевский замминистра ещё не успел добраться к генеральному. Зато добралось письмо, которое и было показано мне встревоженной секретаршей:

> "Ленинградское отделение Союза Писателей СССР, Комиссия по работе с молодыми литераторами просит командировать вашего сотрудника *** для участия в Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей-фантастов. Совещание будет проходить в доме творчества "Малеевка" под Москвой..."

-- Я его ещё не зарегистрировала, -- пояснила секретарша. -- Может быть, порвать его, тогда никто не узнает...

Как будто речь идёт о письме из вытрезвителя, и мне предлагают скрыть стыдный факт от начальства. Я поблагодарил добрую женщину, но от помощи отказался, сказав, что на совещание мне ехать нужно.

На следующий день с утра меня вызвали к генеральному конструктору. И хотя разговор ничуть не напоминал по форме беседу на предыдущем месте работы, я не мог избавиться от ужасающего ощущения deja vu, поэтому, когда прозвучали слова, что меня не в дом творчества посылать надо, а гнать с завода поганой метлой, я резко отчеканил:

-- От Ленинграда на совещание едет всего два человека, обе кандидатуры утверждены Обкомом партии. Если угодно, можете позвонить в идеологический отдел Обкома и объяснить, что вы не отпускаете утверждённого ими человека!

На самом деле на Малеевку-84 от Ленинграда ехало три человека, но язык не повернулся изменить хоть что-то во фразе, которую властно продиктовало deja vu.

И результат оказался точно таким же, что и в прошлый раз. Генеральный конструктор, пожилой и заслуженный человек, всю жизнь проработавший в военном ведомстве, сник, словно воздух выпустили из проткнутой велосипедной камеры, и хрипло

проговорил:

-- Ладно, поезжай. Вернёшься -- поговорим.

И я поехал в Малеевку.

Даже там меня не отпускало ощущение, что всё это уже было со мной, и когда за день до показа второй серии "Звёздных войн" нам объявили, что умер Черненко, я воспринял этот факт как нечто само собой разумеющееся, тем более, что во время Малеевки 1983 года, на которой я не был, скончался Андропов. Так что фантасты считали уже доброй традицией смотреть "Звёздные войны" во время всенародного траура.

Однако, две золотых малеевских недели слишком быстро кончились, и я вновь появился на опостылевшем заводе. Клюшкин, увидев меня, мотнул головой:

-- Зайди ко мне.

В кабинете он долго молчал, рассматривая меня, затем спросил:

-- Ну, что делать будем?

-- Прежде всего, -- сказал я, -- нужно закончить годовой отчёт и согласовать его. На это уйдёт две недели. Согласовывать я буду вместе со Светой, всё ей покажу и научу... -- Клюшкин кивнул, соглашаясь. -- Затем мне будет нужно две недели, чтобы найти новое место работы. Пятнадцатого января я напишу заявление по собственному желанию.

Полагаю, что у Валентина Константиновича в этот миг полегчало на душе. Мне тоже не хотелось создавать проблемы старательному и честному человеку, с которым я не мог сработаться просто потому, что давно не видел смысла в этой работе. А так история обещала всеобщий хеппи энд.

Теперь осталось открыть тщательно оберегаемый секрет согласования квартальных и годовых отчётов. Помнится, я предлагал читателю поломать голову над этой загадкой, но уверен, что никто не сумел дать правильный ответ. Вдвоём со Светой, которой предстояло замещать меня на должности начальника бюро, мы отправились в "Водоканал". Там я показал томящуюся очередь жаждущих согласования и объяснил, что становиться в неё никоим образом не следует. Мы поднялись на второй этаж и ввалились прямиком в приёмную директора.

-- Здравствуйте! -- возгласил я, улыбаясь самой широкой и кретинической из возможных улыбок. -- Мы с завода Климова, привезли вам какую-то бумагу.

Самый мой вид показывал, что узнавать у меня о сути бумаги дело вполне бесполезное. Впрочем, секретарша, к которой я обращался, ничего узнавать и не собиралась. Она взяла отчёт и вписала его в журнал входящих документов.

-- Мне бы пометочку, что мы привезли... -- напомнил я, протягивая свой экземпляр, который немедленно украсился штампиком: "Принято. Водоканал" и закорючкой подписи. Вот и всё, для любой контролирующей организации подобный оттиск мог означать только одно -- "Водоканал" принял мой отчёт.

Конечно, чиновник, на стол которому рано или поздно попадёт моя писанина, может не принять её и потребовать какого-то другого отчёта, но теперь ему будет недостаточно устных фраз, придётся писать подробный разбор, аргументировать причины отказа, подписывать всё это у своего начальника... и т.д. и т.п. Так что в сто раз легче плюнуть и подшить. А вы, небось, думали, что услышите невесть какую бюрократическую тайну? А никакой тайны и нет, есть расчёт на всеобщий пофигизм. Поговорить мы ещё можем, а в остальном всем на всё было плевать.

Валентин Константинович сдержал своё слово: в течение двух недель я приходил на службу, отмечался у табельщицы и уходил, не сказав никому ни слова. Но и я тоже сдержал обещание, в нужный день положив на стол заявление об уходе.

Разумеется, никакой работы в эти недели я не искал. Я лихорадочно дописывал последние страницы повести. А работа нашла меня сама. Мне предложили должность начальника отдела охраны окружающей среды на Ленинградском механическом заводе. А ЛМЗ это не просто завод, а объединение нескольких заводов, на каждом из которых своё бюро охраны окружающей среды, и я должен был начальствовать над всеми разом. Должность эта уже номенклатурная, так что следовало вступать в партию...

Вот тут мне стало страшно. Если каждые два года я со скандалом буду уходить на повышение, то к пятидесяти годам стану главой государства и во время очередной Малеевки, за день до показа "Звёздных войн" по мне объявят всенародный траур.

Я с благодарностью отказался от предложенной должности и устроился грузчиком в ближайший универсам. И вот это уже действительно совсем другая история.